

Услышав мой невесомый приказ, евнух послушно взобрался на ложе, но едва он приоткрыл полы моей ночной рубашки, как дверь с противным скрипом распахнулась. Юноша замер на месте. Из-за травмы ноги я не надел нижние штаны, и под рубашкой не было ровным счётом ничего. Весь этот непристойный вид оказался как на ладони у вошедшего. Я поспешно запахнул одеяние и увидел в дверном проёме Сяо Ду с кувшином вина в руке. Его взгляд пылал:

— Вон.

Евнух в ужасе выкатился из комнаты. Я же нахмурил брови и гневно спросил:

— Кто позволил тебе врываться в покои императора?

— А вы что делали, дядя? — Сяо Ду проигнорировал мой вопрос и задал свой.

На сей раз он, кажется, и впрямь был пьян: взгляд затуманен, голос изменился.

Меня охватила ярость:

— Какое дело младшему до дел старшего? Куда подевалось твоё воспитание?

Сяо Ду, пошатываясь, приблизился к ложу и внезапно рухнул на него всем телом. Его крепкое, уже сформировавшееся тело придавило меня вместе с одеялом. Я попытался оттолкнуть его, но он обхватил мою шею рукой.

— Дядя, спать.

Едва произнеся это, он затих, и его дыхание стало тяжёлым и ровным.

— Ты! Что за безобразие! — Я попытался вырваться, но Сяо Ду держал меня так крепко, что пошевелиться было невозможно. Позвать слуг на помощь — и те начнут болтать кто во что горазд. Его пышущее жаром дыхание, пропитанное перегаром, обдало моё лицо, и я снова вспомнил того, кто на меня напал.

Та же сила, та же температура кожи, та же одежда из кожи и ткани, и...

Подозрения во мне лишь окрепли. Я повернул голову и, словно движимый неведомой силой, потянулся рукой к лицу Сяо Ду, пытаюсь разомкнуть его тонкие, плотно сжатые губы и проверить, нет ли у него острых клыков. Но Сяо Ду вдруг лизнул мой палец, причмокнул, притянул мою руку к себе и обнюхал её, словно почуяв во сне что-то вкусное. Я с трудом выдернул ладонь и снова попытался оттолкнуть этого волчонка, но тот даже не шелохнулся, лишь хмыкнул пару раз в ответ.

Я уставился на его лицо, наполовину скрытое тенью, и беспокойство во мне нарастало.

Может, я слишком сблизился с этим мальчишкой, и у него зародились неподобающие мысли?

Но я же его дядя! Это же верх абсурда, чудовищное уродство!

Он ещё молод, неразумен. Впредь мне нужно исподволь направлять его. Возможно, повзрослев и встретив свою настоящую судьбу, он остепенится. Вот только жаль, что мне, помимо возведения его наверх, придётся ещё и свахой подрабатывать.

Я внутренне вздохнул и провёл всю ночь в таком окостеневшем положении, не сомкнув глаз, и

лишь под утро провалился в сон.

На следующее утро, когда я проснулся, Сяо Ду уже и след простыл.

Когда в седьмом часу пробили колокола, соревнования на льду официально начались.

Я устроился на трибуне с видом зрителя и наблюдал за озером Чуньсюй, превратившимся в ледовую арену. Принцы и гвардейцы, облачённые в кожаные куртки и лёгкие доспехи, с клюшками в руках, были готовы к схватке. Сяо Ду и Сяо Юй играли в одной команде: Сяо Юй — нападающий, Сяо Ду — защитник. Видя, как приёмы, которым я их учил, сейчас пойдут в ход, я заинтересовался.

Разумеется, интересовало меня не только само состязание, но и то, что должно было на нём произойти.

Проверив вино на яд, я сделал маленький глоток и устоял на лёд, не отрываясь. Участники выкатились на поле, разделились на команды и вступили в яростную борьбу за шайбу. Как я и надеялся, Сяо Юй рванул вперёд первым, завладел шайбой, и никто не мог сравниться с ним в отваге и скорости. Но он был слишком азартен, слишком жаждал победы и, опасаясь, что третий брат, Сяо Мо, нагонит его, применил тот самый приём, которому я его научил — «Журавль расправляет крылья». Он отвёл руки за спину, наклонил корпус вперёд, потерял равновесие и рухнул на колени, проскользнув по льду несколько чжанов под оглушительные вопли с трибун.

Сяо Лань тоже поднялся с императорского трона:

— Немедленно позвать лекаря!

Сяо Юя унесли на носилках, но ежегодные соревнования на льду должны были продолжаться.

Сяо Ду занял место нападающего и показал на поле блестящую игру. Однако в самый последний момент шайбу внезапным ударом клюшки выбил один из дворцовых стражников, и та, описав дугу, полетела напрямик в императорского Сяо Ланя на троне. Евнухи и служанки, стоявшие рядом, не успели среагировать, но Бай Яньчжи, действуя с проворством, подставился под удар. Тем не менее шайба угодила Сяо Ланю прямо в лоб, сбив императорскую корону и оставив кровавую рану. Он потерял сознание на месте.

Так соревнования на льду и завершились под непрекращающиеся крики «Держите убийцу!».

Я знал, что эта небольшая помеха — дело рук Бай Яньчжи. Будучи военным, он предпочитал прямые методы устранения противников. Хотя известие о том, что Сяо Лань выжил, и разочаровало, время, необходимое ему на выздоровление, стало для меня лучшей возможностью вернуть трон. В ту ночь соревнований Сяо Лань едва избежал гибели, а очнулся лишь трое суток спустя. От дворцовых слуг я узнал, что его стали мучить головные боли, то он пребывал в сознании, то впадал в забытие, и душевное состояние его сильно пошатнулось.

Возможно, из-за болезни и помутнения рассудка, на церемонии по окончании весенних жертвоприношений Сяо Лань, следуя предсказанию верховного жреца Фэй Яня, объявил о намерении возвести в ранг наследника престола пятого сына, Сяо Ду, отличившегося на состязаниях по верховой езде, стрельбе из лука и на льду.

Я не ожидал, что всё пойдёт настолько гладко. Рискованный ход Бай Яньчжи, можно сказать, случайно пришёлся кстате и создал ситуацию, которой я так жаждал. Сяо Ду в одночасье из

самого презираемого отродья превратился в наследника престола — такого поворота никто не предвидел. Однако наследника можно не только назначить, но и сместить. До проведения церемонии интронизации Сяо Ду ничто ещё не было решено окончательно. Когда Сяо Лань поправится, ситуация, боюсь, может в корне измениться.

Третий месяц ранней весны, когда холод лишь отступает, а тепло ещё не наступило.

Я вошёл в храм богини Сихэ в первых лучах утренней зари, преклонил колени перед её изваянием и принял благословение верховного жреца Фэй Яня.

Он набрал на палец немного киновари, смешанной с золотой пылью, и нанёс мне на лоб. От его рукавов пахло знакомым с детства ароматом ладана. Воистину, Фэй Янь был мне куда ближе, чем мой отец-император. По сравнению с моим отцом, обременённым многочисленным потомством, он больше походил на отца, но отцом он мне не был. С двенадцати лет, когда я обнаружил его связь с моей матерью, я стал испытывать к нему отвращение. Тем не менее, Фэй Янь оставался одним из немногих в дворцовых стенах, кому я мог доверять.

Пусть жрецы и не обладали реальной властью, их слова и поступки олицетворяли волю богов.

— Верховного императора терзают недуги, ему необходимо очищение от скверны, — заявил Фэй Янь дворцовым слугам, что стояли позади меня и подчинялись Сяо Ланю.

В последнее время Сяо Лань был не в духе, однако наблюдение за мной не ослабевало, и снадобья доставлялись исправно. Тем не менее, здоровье моё по сравнению с прошлой зимой немного окрепло, кашлял я уже не так сильно, хоть силы по-прежнему оставляли желать лучшего.

Я последовал за Фэй Янем в сокровенный павильон за статуей, скрытый разноцветными занавесями, совершил омовение и возжёл благовония.

Служители помогли мне раздеться и погрузиться в святой источник, чьи воды стекали с гор позади храма. Фэй Янь отпустил их, опустился на колени у края бассейна, вынул мою шпильку для волос и, как в детстве, начал зачерпывать ладонями воду, омывая мои «три тысячи волос-забот».

Мы обсудили последние события при дворе. Бай Яньчжи уже проводил посланников народа Чи обратно на северные рубежи, а вот Бай Чэнь остался. Благодаря своему выдающемуся литературному таланту он получил должность в Императорском секретариате, став академиком и одновременно заместителем министра обрядов. Вместе с ним остался и отборный отряд из дома Бай, известный как Белая стража. Все они укрылись в значных местах цветочных кварталов Мянцзина, ожидая лишь подходящего момента и моего сигнала, чтобы одним ударом ворваться в императорский дворец Великой Мянью.

Но сейчас момент был неподходящий.

Военная власть в Великой Мянью по-прежнему находилась в руках семьи Мэн, что держала сторону Сяо Ланя. Мне предстояло расшатать его правление изнутри.

Сейчас как раз стояла дождливая пора, на южных рубежах случилось наводнение, и морские разбойники, воспользовавшись моментом, вторглись в прибрежный Инчжоу, вызвав немалые бедствия. Если бы Сяо Ду отправился туда сейчас, чтобы успокоить народ и дать отпор врагу, поднять боевой дух войск — это, конечно, рискованно, но, вернись он с победой, даже если бы Сяо Лань и вознамерился взять назад своё слово о назначении его наследником, сделать это

было бы уже невозможно. Стоило Сяо Ду прочно утвердиться в статусе наследного принца, и дальнейшие мои дела с его помощью пошли бы куда легче.

Нынче же Сяо Юй повредил обе ноги, и неизвестно, поправится ли, пока же мог передвигаться лишь в кресле на колёсах. Отправиться в Инчжоу и снискать славу он не мог. Нельзя было допустить, чтобы эту возможность перехватили Сяо Цзин и Сяо Мо.

— Как прошло сегодняшнее утреннее собрание? — спросил я Фэй Яня.

— Поднимается волна. Князь Пинлань начал действовать. Императору следует быть осторожным.

<http://bllate.org/book/15952/1426324>